

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2007

[Рассказ был написан для конкурса «Весенний Царкон 2007»](#)

Снежная Госпожа

Мне не нужна и опасна твоя доброта.

Яркий свет солнца рассеет меня в пустоте без следа.

Ты подари мне всю боль, что скрывают твои уста,

Чтобы я чувствовать мог её ночи и дни напролет без конца.

Только так меня сохранишь — от забытья.

— Джоанн Хогг, «Боль»

1

Палочки застучали о дно глиняной чашки. Кёхэй собрал и проглотил остатки риса. Мать поспешно встала и убрала посуду, избегая смотреть на сына. Когда она повернулась, Кёхэй заметил, что её глаза блестят от слез. Безошибочным материнским чутьем она ощутила, что сын собрался сегодня уходить. Юноша вежливо поблагодарил её. Он понимал, какую боль причиняет старой Энти своим решением, но не мог отказаться от своих планов и остаться. Что ж, мать знала, что этот день однажды настанет.

Кёхэй вырос в небогатой семье. Его далекий предок, живший более пятисот лет назад, служил своему господину столь отважно, что получил от соратников прозвище Итимондзи — «первый из солдат». Его верность и храбрость не остались незамеченными, он получил от своего господина

участок земли и немалое по тем временам жалование. Однако годы шли, и некогда пышная родовая слава начала увядать, потомки Итимондзи не прославились на полях сражений, и после того, как отгремели междоусобные войны на Стрекозых островах, шансов увеличить свои владения им не предоставлялось. Время шло, богатство и влияние семьи исчезало с каждым поколением, отец Кёхэя и вовсе был незначительным человеком. Занимая низкую должность на государственной службе, он умер от болезни, оставив молодую жену воспитывать единственного сына.

После ужина Кёхэй взял свой деревянный меч и вышел во двор. Отец не оставил семье достаточно средств, чтобы Кёхэй мог позволить себе пользоваться услугами учителей; даже его тренировочный меч был лишь обструганной палкой, а не особым боккэном для учеников, занимающихся в додзё.

Жители деревни не разделяли его увлечений, и молодому самураю приходилось тренироваться самостоятельно. «Знай свои пределы, — твердили они, намекая, что сыну из бедного рода не подняться высоко, а кое-кто с усмешкой добавлял. — А выпирающие гвозди забивают!»

Кёхэй старался воспитать в себе безразличие к пересудам. Он твёрдо знал, что единственным способом возвыситься для самурая была война. Глупцы из поколения его отца меняли меч на чернильницу и надеялись карьерой чиновника заслужить жалование и расположение власть имущих. И что же? Даже высокородные князья были по горло в долгах у ростовщиков, а самураи закладывали в ломбардах оружие, с которым их предки клялись не расставаться до самой смерти. Самое презренное сословье — торгоши! — готовились прибрать к рукам власть в стране. Кёхэй твёрдо знал, что только сталью можно разрубить этот порочный узел разврата, затягивающийся удавкой на шее Империи.

К счастью для юноши, такой шанс представился. Со всех концов страны Восходящего Солнца молодые отважные самураи стекались под знамена людей высокой цели, идеалистов, поставивших себе цель восстановить справедливость: изгнать варваров и воздать надлежащие почести Императору.

...Кёхэй закончил тренироваться, когда руки начали подрагивать, а волосы на затылке слиплись от пота. Он глубоко вздохнул и уселся на пороге, невесело глядя на голое дерево, растущее напротив его дома. Весной облаченная в пышный наряд белых, как хлопья снега, цветов, одинокая слива сейчас скрипела ветвями на холодном ветру, напоминая скелет.

За его спиной, из дома, донесся звон — мать возилась у очага. Кёхэй невольно прислушался. Он ожидал услышать плач, ругань или жалобы на судьбу.

— Мама? — тихо позвал он, не дождавшись ни того, ни другого.

Старая Энти не ответила.

«Ушла спать, — догадался Кёхэй. — Отдыхать после утомительного дня. Может быть, надеясь, что, когда проснется, не застанет сына и избежит необходимости терпеть тягостное расставание...»

Нужно было решаться. Он чувствовал, что готовность совершить важнейший в жизни поступок начала исчезать. Ещё несколько часов, и он уже не сможет уйти. Кёхэй тихо вошел в дом. Домашний очаг всё ещё помнил жар огня и источал тонкий, как шелковая ткань, серый дым. Энти нигде не было видно.

Юноша взял свои немногочисленные вещи, собранные накануне. Он остановился перед домашним алтарем, где был установлен отцовский меч. По правде сказать, старинная подставка стоила дороже. Отец опустился до того низко, что даже продал фамильное оружие, чтобы купить лекарств и

продлить свои страдания на несколько бесполезных месяцев. Кёхэй ненавидел его за эту слабость. Чтобы избежать позора умирающий самурай купил дешевую подделку из ломкой стали.

Кёхэй провел рукой по ножнам — по крайней мере, они остались от древнего меча, которым на поле боя было заслужено благородное имя Итимондзи. Юноша верил, что они принесут ему удачу, и пообещал себе при первой возможности купить для них достойный клинок.

...Небо темнело. Кёхэй быстро шел прочь от родного дома. Впереди, исчезая в сумерках, вилась дорога, вдоль которой тянулась каменная ограда знакомой с детства обветшалой усадьбы. Он протянул руку и коснулся шероховатых камней. Когда стена окончилась, и его рука повисла в воздухе, Кёхэй почувствовал тоску и тяжесть на сердце.

На пороге старого ветхого дома, старая Энти тщетно звала сына, прижимая к себе сосуд с теплым рисом, который хотела дать ему в дорогу.

Стрекозьи острова переживали мрачный отрезок своей истории. Две с половиной сотни лет страна не знала войн и катаклизмов. Закрытая от всего мира, богатая, многолюдная Земля Богов процветала под властью рода Токугава, который получил от Императора титул сёгуна и право управлять страной. Исполненный гармонии, превратившийся в изящную традицию порядок жизни был нарушен с приходом иностранцев.

Американская черная эскадра командора Перри, войдя в гавань города Эдо, положила конец добровольной изоляции. Под напором военной силы вероломных иностранцев открывались порты и рушились старые обычаи. В императорский дворец доставили ультиматум, выдвинутый решительным командором, не забыв приложить к нему портрет американца, обросшего

волосами дикаря, длине зубов которого позавидовали бы великаны-людоеды Они. Небесный владыка внимательно изучил и послание Перри, и его портрет.

Эпоха спокойствия, начавшаяся с приходом к власти сёгуна Такугава, приближалась к концу...

2

Путешествие из Хитати в Эдо даже в хорошую погоду занимало несколько недель. Кёхэй отправился в дорогу в середине осени. В первый же день, который он провел в пути, небо укрыло сплошное покрывало из темных облаков. Безрадостная пасмурная погода и дождь, похоже, решили сопровождать его до самой столицы.

Ночевать в такую погоду под открытым небом было невозможно. Нужно было искать какое-то укрытие, но как назло, хоть он весь день и проходил мимо деревень и всегда видел дым на горизонте, именно теперь Кёхэй оказался один посреди равнины.

Дрожа от холода, юноша решил продолжать идти, пока не покажется очередная деревня. Лучше провести ночь в пути и выспаться днем, в лучах все еще теплого осеннего солнца, чем насмерть замерзнуть в придорожной канаве. Он совсем уже отчаялся обнаружить здесь человеческое жильё, когда увидел недалеко от дороги небольшой одноэтажный дом, скрывавшийся в роще высоких деревьев.

Кёхэй остановился у калитки и позвал хозяев.

Никто не отозвался. В свете вынырнувшей из облаков поднимающейся луны одинокий дом, наполовину скрытый в тени высоких деревьев, показался ему особенно зловещим. Над входом в здание раскачивался на

ветру бумажный пионовый фонарь. В страшных «Рассказах ночной стражи» такие дома непременно становились пристанищем злобных духов, призраков или иных блуждающих по земле привидений, которым не нашлось место в подземной стране Ёми. Не испугавшись печальной участи Хагивары Синдзабуро, юноша вошел в заброшенный дом.

Внутри здания было холодно и сыро. В затхлом воздухе кружили хлопья пыли, потревоженные неожиданным гостем. Чувствовалось, что в доме давно никто не живет. Но все же здесь было гораздо уютнее, чем на дороге. Стены старого дома и его крыша защищали от ветра и непогоды так же хорошо, как и стены любой гостинцы.

Кёхэй обследовал свое убежище, но не нашел никаких следов его прежних хозяев.

Ложась спать, он предусмотрительно подпер сёдзи ножнами меча, так что любой, кто попробует войти в дом, вынужден будет изрядно пошуметь. Кёхэй вовсе не желал быть застигнутым хозяевами дома, словно вор или бездомный нищий, или тем более попасть в ловушку разбойников, которые промышляли на оживленных дорогах и вполне могли использовать заброшенный дом в качестве свое прибежища.

...Ночью выпал снег. Всего за несколько часов землю укрыл белый, пушистый ковер. Шапка снега легла на кровлю заброшенного дома, а калитка и ограда наполовину скрылись в выросших сугробах. Невиданное дело в середине осени даже на северном острове Эдзо — что уж говорить об обычно теплой, гостеприимной провинции Хитати.

Почувствовав пронизывающий, страшный холод, Кёхэй вздрогнул, открыл глаза и схватился за меч...

Посреди комнаты стояла женщина в белой одежде, за её спиной, сквозь раздвинутые сёдзи, падал стеной снег, чернели деревья, и сияла огромная

серебристая луна, в свете которой тонким росчерком сверкал обнаженный клинок в вытянутой руке Кёхэя.

Несколько мгновений женщина стояла неподвижно, затем склонилась над лежащим юношей. Её дыхание было похоже на белый туман...

— Ты так молод и хорош собой, — прошептали её бледные губы.

Внутренности Кёхэя будто скрутились в тугой узел. Он не мог даже выкрикнуть «Наму Амида Буцу!», не говоря уже о том, чтобы ударить. Меч замер в онемевшей руке.

— Нет, ты не разбойник, — сказала женщина и задвинула сёдзи.

Наваждение рассеялось и даже холод, пробравшийся в жилище вместе с ночной гостьей, более не казался ему столь нестерпимым. Кёхэй устыдился того, что испугался женщины. Он поспешно поднялся с татами, порадовавшись, что решил спать одетым, и это избавило его от неловкости.

Вопреки первому впечатлению незнакомка оказалась невысокого роста. Она подняла пионовый фонарь, осветивший её красивое лицо и черные как уголь распущенные волосы.

— Как тебя зовут?

— Итимондзи Кёхэй, — он поклонился, слегка обиженный и встревоженный тем, что женщина не представилась. — Вы хозяйка дома?

— Я хозяйка здешних мест, — подтвердила женщина. — Что ты делаешь в этом доме, Кёхэй?

Недоумение, которое испытывал юноша, переросло в раздражение.

«Должно быть, она жена какого-нибудь богатого хатомото, — подумал он. — И всерьез полагает, что доход в тысячу коку позволяет ей быть невежливой с простым ронином».

Он мужественно подавил вспышку гнева и коротко объяснил, почему остановился в доме на ночь.

— Холод? — хозяйка посмотрела на прикрытую дверь, за которой гудел ветер. — Конечно, я не хочу, чтобы ты замерз.

«Если она не назовет свое имя — не стану спрашивать, — с мальчишеским упрямством решил Кёхэй. — Пусть поважничает, если ей так хочется».

Однако, несмотря на свой гнев, вызванный уязвленным самолюбием, Кёхэй чувствовал необъяснимый страх, глядя на эту высокомерную женщину в белых одеждах. Ему вспомнились сказки, в которых мужчины, особенно красивые юноши, оставшиеся ночью вне стен родного дома, встречались с чудовищами. С горными людьми, укрытыми с ног до головы теплой шерстью, с длинноносими коварными тэнгу, с водяными-каппа, с лисами-оборотнями и привидениями, самым ужасным среди которых была юки-онна — снежная госпожа. В этих историях поцелуй её ледяных губ приносил смерть, а красота страшной женщины завораживала могильным холодом.

Показалось ли ему — или действительно полыхнули холодной ненавистью широко раскрытые голубые глаза женщины, когда она впервые взглянула на него, стоя в развевающихся одеждах, а позади неё зло взвыл ветер, разбрасывая снег?..

— Я повела себя невежливо, — после короткого молчания промолвила хозяйка. — Несмотря на столь поздний час, я надеюсь, ты не откажешься провести вечер со мной.

Рассматривая её прекрасное лицо, освещенное светом пионового фонаря, Кёхэй вновь почувствовал себя героем страшной сказки.

«Как бы то ни было — тебе не напугать меня, Юки-онна», — он улыбнулся, решив, что станет называть так незнакомку, пока не узнает её настоящего имени.

— Куда ты направляешься? — спросила снежная госпожа.

Они расположились на татами, среди разбросанных подушек. В полутемной комнате, пропитанной увяданием и тленом, его таинственная собеседница выглядела удивительно естественно — как будто только в таких покоях должны жить прекрасные женщины.

«Где слуги? Где стража? Почему она одна здесь, с распущенными волосами, в старинной длинной одежде на китайский манер, какую никто не носит с самой эпохи Хейан?», — должен был подумать Кёхэй, но он не мог помыслить ни о чем, кроме голубых глаз красавицы, мерцающих в полумраке загадочным блеском.

— В городе Тама есть додзё, где собираются отважные люди, — начал отвечать Кёхэй. — Они горят желанием служить сёгуну и изгнать варваров.

— Изгнать? Но разве не сёгун без ведома и согласия императора открыл порты иностранцам?

Кёхэй набрался храбрости и выпалил:

— Это все теперешний сёгун — слабоумный дурак, от лица которого на самом деле правит его коварная мать. Даймё не станут его долго терпеть!

— Кого же они поставят сёгуном?

— Кэйки Хитоцубаси! Его поддержат все люди высокой цели.

— Вижу, ты твердо решил... — женщина посмотрела на него со странной грустью. — Что ж, и путь в тысячу ри начинается с одного шага.

Кёхэй склонился в знак благодарности.

Они говорили почти до восхода солнца. В руках снежной госпожи, словно по волшебству, возник кувшинчик сакэ и фарфоровые чашечки-чоко.

— Там, где пьют сакэ, рождается дружба! — Кёхэй поднял первый тост.

Несмотря на то, что хозяйка продолжала держаться отстранённо и даже грубо (она так и не назвала своего имени), Кёхэй проникался к ней все

большей симпатией. Ночь становилась странной, чудесной. Кёхэй, голову которого вскружила мысль, что он, впервые удалившись от дома, уже попал в приключение, начал воспринимать происходящие с ним невероятные события с безумным весельем.

Он был уже пьян — но не сакэ, а витающим в воздухе волшебством, которое готов был продлить любой ценой. Теплая жидкость, щекочущая язык, придала Кёхэю ещё больше отваги. Молодежь из числа богатой киотской аристократии, глядя на то, как он заливается соловьем перед незнакомой женщиной, немедленно назвала бы Кёхэя большим тигром, но юноша едва ли отдавал отчет словам, которые едва слышал, будучи всецело поглощенным прекрасной собеседницей.

— Как я смогу снова найти вас?

— Найти меня? — улыбнулась женщина. — Но зачем?..

«Зачем?», — Кёхэй не задумывался. Он просто понимал, что погибнет, если вновь не увидит её удивительные голубые глаза, не услышит её чудный голос и не почувствует охватившей тело поразительной, обманчивой легкости, смешанной с суеверным страхом.

Юки-онна не дала ему придумать достойный ответ. Она легко толкнула захмелевшего юношу на татами и склонилась над ним. Кёхэй лишь успел удивиться тому, какими были холодными её руки и губы, а дыхание — горячим, как огонь.

Когда лучи восходящего солнца, пробивающиеся через щели в сёдзи, осветили его — Кёхэй проснулся. Один.

...Двери додзё были открыты. Из здания доносился стук, крики и топот. Ступая по полированному до блеска свежему полу, сражались тренировочными мечами два воина. За их поединком наблюдали другие ученики и зеваки, окружившие помост.

Добравшись до цели своего путешествия, Кёхэй сразу присоединился к группе таких же ронинов и бедных самураев, которые мечтали стать людьми высокой цели. Со всех краев страны они слетались на клич верных сторонников сёгуната. «Сонно дзёи, — говорили они. — Чти императора, изгони варваров!» Юноша внимал этим словам, как чарующей музыке. Он не видел в жизни ни одного иностранца, но был свято уверен в том, что их виной были все невзгоды и тяготы, обрушившиеся на Землю Богов.

Теперь, добравшись до известного додзё, Кёхэй должен был пройти самое важное испытание в своей короткой жизни: доказать, что он достоин служить вместе с будущими спасителями страны.

Поединок закончился. Мастер легко справился с вызвавшим его претендентом. Он взмахнул боккэном, оглядел собравшуюся толпу и остановился на стоящем в первых рядах молодом Итимондзи. Кёхэй только сейчас обратил внимание на то, что мастер был низкорослым, почти на голову ниже своего недавнего противника.

— Ты! — крикнул он, указывая на юношу. — Будешь драться со мной!

— Я... — начал Кёхэй, склонив голову. Когда до него дошла очередь, он почувствовал, что весь вспотел и дрожит от напряжения.

— Мне это безразлично! — выкрикнул коротышка. — Сначала проверим, каков ты в бою.

Юноша покорно поднялся на помост, неуверенно прижимая к груди ножны с отцовским мечом.

— Приступаем, — мастер швырнул боккэн, который Кёхэй едва успел поймать.

— Отложи свою железку, — его противник уже стоял посреди додзё, нетерпеливо похлопывая своим боккэном по бедру.

— Старший брат, стоит ли? — неуверенно спросил его товарищ, помогающий раненому в прошлом бою.

«Должно быть, меня вызвал Кондо Исами, — догадался Кёхай. — Один из троих знаменитых братьев, владельцев додзё...»

В подтверждение его догадки тот подал знак, по которому ударили барабаны, и Кёхэй узнал ритм футтэна.

Юноша отложил отцовский меч и узелок с вещами и вышел против самоуверенного коротышки. Тот хмыкнул и резко, коротко взмахнул рукой. Кёхэй едва успел отразить неожиданный удар. Зрители восторженно вздохнули и начали шептаться, обсуждая противников.

— Отлично! — похвалил черноволосый. — Как тебя зовут?

— Итимондзи Кёхэй, — ответил юноша, продолжая держаться за рукоять меча двумя руками.

— Хорошо дерешься, Итимондзи! — вопреки своим словам, Кондо (а это был именно он) легко повалил противника на пол.

Кёхэй вскочил и подхватил боккэн. Они закружили по помосту, подчиняясь ритму футтэна, в который вплетался шелест брюк-хакама, тяжелое дыхание Кёхэя и глухой топот ног.

— Где учился?

— Сам.

— Сам? — хмыкнул Кондо, отбивая неловкую атаку Кёхэя.

Затрещали деревянные мечи. Юноша попытался воспользоваться преимуществом в весе и повалить Кондо на пол, но тот легко оттолкнул его,

прибавив удар деревянным острием в грудь. Кёхэй стиснул зубы, стараясь не думать о том, что удар, скорее всего, сломал ребро, на которое пришелся. Он облизнул губы и с облегчением почувствовал, что во рту не было крови.

— Значит, пришел служить сёгуну?

Кондо яростно атаковал. Итимондзи, вскрикнув от боли, подскочил и отразил выпад, вслед за которым на него тут же обрушился град ударов.

— Тому самому, который плакал от страха при виде черных кораблей?

Удар, еще удар.

— Нет! — выкрикнул задыхающийся Кёхэй.

— Кому? Значит, его слабовольному сыну Иэмоти, которого служанки называют девочкой?

Удар!

— Нет!

— Кому?! — взревел неистовый самурай.

— Кэйки! — выдохнул юноша, повалившись на одно колено. — Кэйки Хитоцубаси! Он должен стать сёгуном! Только он!

— Милостью небес — станет, — подтвердил его мучитель, опуская боккэн. — Милостью небес... мы будем верно служить ему!

Он рассмеялся и вытер выступивший пот.

...Напряжение в стране нарастало. Давление со стороны западных варваров усиливалось. Новые соглашения, подписанные с иностранцами, подтвердили открытие портов и всколыхнули общество, и без того переполненное воинственными настроениями.

Ликованию народа не было предела, когда опекуном нового сёгуна — юного Иэмоти — назначили Кэйки Хитоцубаси, человека, которого считали одним из твердых сторонников высокой цели. Под давлением народа и

императорского двора, поддерживаемого радикально настроенными кланами, Кэйки вынужден был объявить о желании военного правительства сделать всё необходимое для изгнания иностранцев.

Не дожидаясь разрешения, решительные люди из числа провинциальных самураев и простых крестьян начали вооружаться и готовиться к войне. У сёгуната появилась необходимость собрать верных людей, чтобы в случае конфликта противопоставить их смутьянам, призывающим к открытому неповиновению ослабевшему правительству.

«В необычные времена для победы нужны необычные люди», написал Хатира Киёкава в прошении о формировании особого корпуса ронинов, позже названного «Синсэнгуми».

А еще через год группа самураев в ярко-голубых одеждах вошла во врата Киото, подняв алый стяг, вольная часть которого была украшена белыми треугольными зубцами.

4

Безлюдная дорога к святилищу Инари утопала в зарослях криптомерий и раскидистых буро-зеленых елей. Горожане не любили по вечерам гулять в тени коридоров из сотен торий, ведущих к храму. Каменные лисы — посланники и слуги покровителя рисовых полей — следили за пришедшими на гору гостями, и Кёхэй неоднократно ловил на себе взгляды притаившихся у дороги четвероногих статуй в красных воротниках.

Именно отсутствие лишних свидетелей побудило Кондо назначить встречу неподалеку от Фусими Инари.

Около подножья горы, наполовину скрытая пышной зеленой рощей, выглядывала стена из красноватого камня. Кёхэй решил подождать здесь.

Стена была невысокой и, уцепившись за растущие деревья, он мог легко перелезть через неё.

Когда самурай приблизился, он услышал голоса, доносящиеся из-за ограды. Не справившись с любопытством, Кёхэй осторожно высунул голову поверх стены, и тут же, вздрогнув как от удара, отпрянул и присел, чувствуя, как пульсирующая в голове кровь вот-вот потечет из носа. Из-за стены послышался плеск воды и приглушенный женский смех.

Кёхэй уже собирался уходить, когда одна из женщин спросила:

— Что за люди прибыли сегодня утром?

Он узнал этот голос, который мог принадлежать только холодному высокомерному видению, с которым он встретился в заброшенном доме на дороге в Тама. Юноша еще сильнее вжался в каменную стену, напрягая слух.

— Люди? Ах, «волки»! Ты, несомненно, говоришь о Синсэнгуми.

— Волки? — переспросила Юки-онна.

— Их стали так называть за разбой и вымогательства, которые они чинили в Мибу. Может в их правилах хвалиться громкими словами о верности сёгунату, но ведут себя эти ронины далеко от идеала благородного мужа и уж точно не как самураи.

— Они ведь носят ярко-голубые хаори, да?

— Да. Будто красивая одежда и красный флаг могут придать им блеска. Известно ведь, что они купили их за деньги, выбитые у торговцев или собранные как милостыню у людей, поддерживающих сёгуна.

— Неужели все они так плохи?

— Уж можешь мне поверить, — продолжила собеседница снежной госпожи. — Когда несчастный торговец Ямато Сюбе отказался платить этим негодьям, их предводитель приказал расстрелять его дом из пушки!

Дамы запричитали.

— После того, как часть ронинов покинула отряд и перешла в услужение императору, у Токугава в сторонниках осталась одна шваль.

Кёхэй боролся с искушением перемахнуть через забор и высказать клеветнице всё, что он думает о предателях, покинувших ряды Синсэнгуми. Но он сдержался, осознавая последствия такого поступка, не говоря уже о том, что появление вооруженного воина в женской части дома вряд ли поможет опровергнуть скверные слухи о нем и его товарищах.

Устав от разговоров, женщины тихо запели:

*«Унылый зимний мрак окутал землю,
Однако с этих сумрачных небес
Слетают трепетные белые цветы,
Как дождь из белоснежных лепестков!
Быть может, там, за облаками, незаметно
Уже пришла прекрасная весна?»*

— Итимондзи-доно!

Юноша вздрогнул. Он ведь совсем забыл о своих товарищах, с которыми должен был встретиться! Вот только они о нем не забыли...

— Вот ты где! Красный как *нета*, — Симада Каи был ровесником Кехэя, и они быстро подружились, но сейчас юноша предпочел бы встретиться с суровым, порывистым Кондо. Симада слишком хорошо знал своего друга и мог начать задавать неудобные вопросы.

— Все уже собрались. Кого ты здесь поджидаешь?

— Никого, — ответил Кёхэй, пожалуй, слишком поспешно. — Идем, не стоит заставлять Кондо ждать.

Они недалеко ушли от огражденной каменной стеной бани. В соседней роще, окруженной кольцом могучих криптомерий, собрались почти все Синсэнгуми. В тишине было слышно лишь постукивание — нетерпеливый Кондо Исами привычно похлопывал по ножнам. Кёхэй низко поклонился, извиняясь за своё опоздание. Лидер отряда коротко кивнул, сжал за спиной узловатые, покрытые шрамами руки и заговорил:

— Вижу, теперь мы все в сборе.

Он пристально оглядел своих подчиненных и продолжил:

— Думаю, вам всем известна причина, по которой сёгунат приказал Синсэнгуми прибыть в Киото.

— Клан Тёсю, — процедил сквозь стиснутые зубы Госидзо. За свою нетерпимость и жестокость он получил прозвище «демон».

— Верно, — Кондо снова кивнул. — Южане всегда искали возможности свергнуть власть Токугава. Пусть вас не обманывают их громкие призывы изгнать варваров и восстановить власть императора. Единственное, чего на самом деле желают Тёсю, Сацума и другие падальщики — это свержения сёгуната.

— Как сам сёгун, так и регент понимают, что нельзя просто приказать западным варварам убираться. Сейчас они лучше вооружены, но пушки и мушкеты и нам не в новинку. Миямото Мусаси посвятил им немалую часть «Книги Пяти Колец». Мы возьмём оружие иностранцев и выгоним их прочь.

Правители времён моего прадеда, которые могли говорить с чужеземцами на равных, понимали, что даже у них можно многому научиться. Самураи из Тёсю слишком горды и невежественны, чтобы усвоить это. Они будут нападать на иностранцев с мечами и расстреливать их из луков. Мы не можем позволить им начать открытую войну. Вы понимаете меня?

— Нечего понимать, — фыркнул Тосидзо. — Город пронизан интригами, как испорченный плод — ходами червей. Нужно вычистить эту мерзость раз и навсегда.

— Всё не так просто, — Кондо поднял руку, успокаивая несдержанного Тосидзо. — Мы не можем без причин зарубить всех южан в Киото. Народ считает их героями... ещё бы, храбрые воины, которые обещают изгнать пришельцев и чтить небесного владыку. Только вот время вспять не повернёшь.

«Время вспять не повернёшь», — как часто Кёхэй слышал эти слова! Так говорили торговцы, которые продавали свои товары западным варварам. Продажные девки из района красных фонарей, которые мечтали затащить в постель обладателя цилиндра и тросточки. Предатели-чиновники, которые спешили натянуть иностранные тряпки и утверждали, что такова воля Императора.

Что ж, может быть, вспять время и не повернуть. Но они могут построить свое, чистое будущее, в котором не будет места для всей этой мерзости.

— Значит, мы должны просто смотреть и ничего не делать? — возмутился Симада.

— Сейчас — да, — подтвердил Кондо. — Но Тёсю не просто так стекаются в столицу. Они попытаются захватить императорский дворец. Если им это удастся — они смогут выдать любую свою подлость за повеление небесного владыки.

— Дайте им почувствовать себя в безопасности, и они начнут совершать ошибки, — продолжил Кондо. — К тому времени, когда они решатся на открытое выступление, вы должны знать город и его улицы, все логова и тайники Тёсю. Именно для этого я разделил вас на патрули. Если вы

увидите самурая Тёсю — пройдите мимо. Если увидите, как он нарушает закон — возьмите его под стражу как любого преступника. Не обижайте горожан — Тосидзо-кун, к тебе обращаюсь.

«Демон» недовольно заворчал.

— Южане и подлецы, предавшие сёгуна, распускают о «Росигуми» отвратительные слухи, поэтому не ждите всеобщей любви. Жители Киото нас ненавидят и не станут этого скрывать.

...Когда Кондо закончил назначать новых патрульных, Кёхэй решил вернуться к каменной стене и подождать там свою снежную госпожу, но, как назло, Симада увязался за ним, продолжая без умолку описывать ужасы, которые принес приход чужеземцев. Из вежливости постоянно соглашаясь с ним, Кёхэй обошел каменную стену и видел, как из открытых ворот вышли несколько женщин.

Он пригляделся и тотчас среди них узнал фигурку низкорослой красавицы, одетой в белоснежное кимоно, перепоясанное широким кроваво-красным поясом-оби.

— Итимондзи-доно! Куда ты?

Молодой ронин отмахнулся. Он может объяснить позже, когда будет время. Его поведение, конечно, было безрассудным, но суровых правил Синсэнгуми не нарушало. К тому же, он ясно это понимал: даже страх позора и смерти не сможет удержать его от задуманного.

Когда он приблизился, женщины притихли и смешались, с удивлением и страхом рассматривая вооруженного незнакомца. Кёхэй, вновь охваченный безумием холодной осенней ночи, задал волновавший его вопрос напрямик — не представившись и не успев придумать повод, чтобы поговорить с обладательницей белого кимоно наедине.

— Юки-онна? — к его удивлению, женщина беззлобно рассмеялась. — Разве я призрак? Разве у меня нет ног и на них не надеты гета?

Она по-детски возмущенно топнула ногой.

Кёхэй засомневался, была ли она той самой незнакомкой. Улыбчивая женщина была молодой, еще совсем девушкой — ничего общего с прекрасным и холодным бледным ликом, который он будет помнить до скончания своих земных дней.

— Ити-кун! — снова позвал Симада.

— Нам нужно встретиться ещё раз.

— Зачем? — продолжая улыбаться, спросила девушка.

— Я сам найду вас.

Он запоздало поклонился и, провожаемый женским смехом, поспешно ретировался, едва сдерживаясь, чтобы не прикрыть руками покрасневшие уши.

...Вечером, когда уставшие патрульные растянулись на полу храма, в котором для Синсэнгуми отвели общую спальню, Симада шепотом спросил у него:

— О чем это ты говорил с женой Нобуо?

— Так это его жена?!

— Конечно. Хочешь, чтобы его слуги тебя палками погнали? Тебе тогда придётся или рубить их, или показать врагу спину, а это против наших правил.

— Какой же она враг? — попробовал отшутиться Кёхэй.

— Ты что, меня не слушаешь? Её семья — из Сацума.

Сацума! К южанам из клана Тёсю Кёхэй, как и большинство сторонников сёгуна, испытывал смешанные чувства — ведь, в конце концов,

они разделяли желание народа изгнать варваров. А вот клан Сацума... прирожденные интриганы и властолюбивые негодяи; никто не мог с точностью сказать, чего они на самом деле хотят — избавить страну от иностранцев, свергнуть Токугава и самим занять их место или вообще уничтожить сёгунат и вернуть древние времена, когда не существовало другой власти, кроме воли небесного владыки.

— И что, дружно живут?

— Как обезьяна с собакой! — рассмеялся тот.

— Может быть, она тайно нам симпатизирует? — предположил Кёхэй, вспомнив разговор женщин, который он ненароком подслушал.

— Ох и темный ты... Сацумка-то как раз она, а не её муж!

— Держись от неё подальше, Ити-кун, — добавил Симада, по-своему истолковав его молчание. — Как другу советую. Если не хочешь, чтобы мне голову пришлось тебе рубить, как шпиону.

Кёхэй молча кивнул.

5

Всю следующую неделю Кёхэй чувствовал, как незримая сила вновь тянет его к Фусими Инари. Весна одела город в зелёную, молодую листву. Приближался ханами — праздник любования сакурой. Казалось бы, самое неподходящее время для зимних чудес.

Но именно в один из теплых дней, когда окруженные сакурами храмы Киото утонули в белом фронте пышных цветов, он встретился с группой людей из Сацумы. Они вышли из большого, богатого дома, стоящего неподалеку от ворот Хамагури, и направились по улице к центру города.

Процессию возглавляли хозяйка дома — Кёхэй немедленно узнал низкорослую девушку в белом кимоно. Рядом с ней шел высокий, некрасивый мужчина с грубым лицом и большими карими глазами под густыми черными бровями.

«Её муж», — догадался Кёхэй.

Ревности он не испытал, но созерцать некрасивого, грубого мужчину рядом с хрупкой, словно фарфоровая статуэтка, юки-онна было неприятно. Будто цапля на груде мусора...

Он дождался, когда мужчину уведут друзья. Его спутница осталась с подругами — одну из них Кёхэй помнил: высокая, худощавая женщина в зелёном кимоно сопровождала его снежную госпожу и во время их встречи у горы Инари.

Когда они проходили мимо Кёхэя, она узнала его и остановилась:

— Ты? — удивилась девушка. — Что ты здесь делаешь? Волчонок из Мибу...

— Меня зовут Итимондзи Кёхэй, — он поклонился. — Прошу прощения, что не представился раньше. Я был уверен, что мы знакомы.

Девушка загадочно улыбнулась.

— Я Сетсуё, — она схватила ладонь Кёхэя и затрясла её. — Вы знаете, так здороваются англичане! Ох, простите!

Она отпрянула.

— Мне не следовало говорить такое человеку из Синсэнгуми!

Кёхэй промолчал. Ему нравилось, как она говорила. И нравилось вновь чувствовать её холодные, нежные руки.

— Сетсуё!

— Вечером. В Мауряма-коэн, — шепнула она. — Иду, Ми-тти! Иду!

К вечеру у храма разожгли большой костер, вокруг которого уселись дети, оглашая округу веселым пением. Кёхэй присел неподалеку от них, обхватив колени руками.

— Кобаяси-зизи! Расскажи сказку.

Сидящий среди детей старичок, похожий на озорного оборотня-тануки, притворно закричал и придвинулся к огню.

— Сказку! Сказку!

— Сказку, говорите? — притворяясь глухим, громко спросил дед, приложив к уху открытую ладонь.

— Да!!!

— Смешную или страшную?

— Страшную! — недолго думая, выкрикнули дети.

Во время праздника цветения сакуры всюду рассказывали жуткие истории — костры, теплая земля и развешанные повсюду яркие фонари отгоняли ночных призраков, о похождениях которых послушать всегда было интересно, но боязно. Это зимой, когда волком взвывает холодный ветер, и скроется в густых тучах луна, дети попросят старика рассказать про сватовство Микадо и про зайца, который делал для зверей сумки.

— Ну что ж, напросились. Будет вам сказка такая, что кровь заледенеет, — захрипел дед, корча страшные рожи. — Расскажу вам про Юки-онна. Снежную госпожу.

Кёхэй вздрогнул и придвинулся поближе к слушателям. Без яркого хаори невозможно было узнать в нем Синсэнгуми, а после любования сакурой никого не удивляли захмелевшие самураи, блуждающие по городу в поисках места для ночлега.

— Однажды, холодной зимней ночью два дровосека — мастер Мосаку и его ученик Минокити — отправились в лес неподалёку от родной деревни,

— начал рассказывать старик. — В этот раз они поднялись на гору. Никто не знает, как она называлась, но я думаю, это была Арасияма, в те времена, когда ещё не стояла здесь императорская столица.

Притихшие дети засуетились, кое-кто с опаской покосился в сторону горы Араси, возвышающейся неподалёку. Старик усмехнулся и продолжил:

— Когда они уже домой возвращаться собирались, налетел страшный снегопад. И пришлось лесорубам заночевать в заброшенном доме на склоне горы. Старый Мосаку сразу заснул, а вот его помощник Минокити долго сомкнуть глаз не мог. И вдруг он увидел, что снег падает на его лицо, дверь открыта, а посреди комнаты стоит прекрасная женщина в белой одежде.

Кёхэй подавил охватившую его дрожь и принялся слушать дальше.

— Женщина немного постояла, а потом склонилась над спящим Мосаку и поцеловала его. Мосаку вскрикнул — и умер. Его ученик с ужасом смотрел, как приближается страшный призрак к его ложу.

«Я и тебя хотела убить, — сказала женщина. — Но не стану — ты так молод и хорош собой... Но знай, что если расскажешь обо мне кому-нибудь — тебя ждёт смерть».

Не в силах сдерживаться, юноша вскочил и убежал прочь от костра. Он знал конец этой сказки. Возвращаясь домой, Минокити встретил девушку по имени Юки, которая согласилась выйти за него замуж. И вот однажды ночью Минокити признался ей, что та напоминает ему ледяной призрак, убивший его учителя.

— Это была я, Юки-онна, — спокойно ответила его жена. — Это я приходила к тебе тогда! Ты нарушил свою клятву сохранить эту тайну, подлый обманщик. Если бы не дети, которых я родила тебе — лежать бы тебе мертвому. Но однажды я приду к тебе ночью, когда падает снег, и убью тебя!

Так она сказала и обратилась в облако холодного белого тумана...

— Итимондзи-сан!

Он остановился, как вкопанный.

У ворот храма стояли две девушки — долговязая Мияко и Сетсуё, высокая прическа которой едва доставала до плеча подруги.

— Ты всё-таки пришел, — она улыбнулась. — Ми-тии, оставь нас одних, пожалуйста.

Мияко хотела что-то сказать, но миниатюрная Сетсуё взглянула на неё снизу вверх столь властным взглядом, что выдержать его смог бы, пожалуй, лишь сам регент.

— Это ты! — воскликнул Кёхэй, когда подруга скрылась в тени храма. — Я не ошибся, это и вправду ты, моя снежная госпожа.

— Я ведь не говорила, что я — это она. Но и не отрицала.

Он попытался обнять её, но Сетсуё отстранилась.

— Не нужно, — попросила она. — Не сейчас.

— Мне всё равно, что ты замужем, — отважно заявил Кёхэй. — Пусть я всего лишь бедный ронин... но я могу доказать свою любовь к тебе. Проси меня о чем угодно!

— Всё что угодно? — засмеялась девушка. — А вот как захочу каменную чашу Будды, жемчужную ветку с горы Хорай, платье из шерсти Огненной мыши, драгоценный камень дракона, целебную раковинку ласточки! Что тогда будешь делать?

Кёхэй смущенно замолчал.

— Мне ведь не стоит так говорить с самураем, а тем более с Синсэнгуми.

— А что дурного в Синсэнгуми?

— Ми-тти... то есть Мияко-сан, моя лучшая подруга, говорит, что вы обычные грабители.

— Это неправда. Я... мы докажем вам, что чтим законы больше, чем Тёсю!

— Таково мое желание.

— Что?

— Ты спросил, что можешь сделать для меня. Прославь Синсэнгуми. Если правда любишь меня, сделай так, чтобы вас полюбили в Киото.

С тем же успехом она могла попросить у него луну с неба!

Кёхэй растерянно замолчал. Что он может сделать? Он не Кондо, не Тосидзо, — простой ронин, пусть из древней и знатной семьи, но не важнее и не богаче торговца, купившего за деньги титул и фамилию.

— Растерялся? Так уж и быть, помогу тебе, — Сетсуё привстала на цыпочки, обняла Кёхэя и прошептала ему. — Фурутака Сюнтаро. Ты видел его сегодня рядом с моим мужем. Это не просто торговец.

Она щелкнула зубами, едва не укусив Кёхэя за ухо.

— Мне пора, — сказала Сетсуё. — Скорее всего, Ми-тти не смогла отказать себе в удовольствии подсматривать за нами.

Девушка поцеловала Кёхэя, выскользнула из его объятий и побежала в сторону храма. Белое кимоно скрылось в тени деревьев.

6

Иностранцы, «идзины», как их прозвали местные жители, любовались красотой страны Восходящего Солнца с наивной безмятежностью, восторгаясь хрупкой культурой и обычаями её обитателей. Так продолжалось до тех пор, пока британский торговец по имени Чарльз

Ричардсон случайно не преградил дорогу знатному князю Симадзу Хисамицу из клана Сацума. Подданные князя восприняли поступок англичанина как оскорбление, и несчастный торговец был зарублен насмерть.

Немногим позже вассалы Тёсю, укрепившись у Симонсэкского пролива, из пушек обстреляли торговые суда иностранцев. В ответ на это семь британских боевых кораблей прошли у берега острова Косю на юге архипелага и шквальным огнем опустошили город Кагосима.

Юг страны кипел от огня и крови, а на прекрасных, спокойных улицах Киото едва успевали отмечать ежегодные празднества...

— Ити-кун, не витай в облаках.

Кёхэй оторвался от созерцания прогуливающихся, ярко наряженных женщин и смущенно улыбнулся своему внимательному товарищу.

— Прости, я задумался. О чем ты спросил?

— Я спросил: кого ты ждешь?

Кёхэй даже пожалел, что позволил товарищу увязаться за собой. Симада Каи отличался наблюдательностью. Юноша задумался над тем, не стоит ли посвятить друга в тайну снежной госпожи... Но вовремя спохватился, вспомнив о том, что в сказке именно болтливость дровосека Мосаку разрушила его счастье. Кёхэй более не сомневался, что попал в сказку, и с тех пор, как он переступил порог заброшенного дома у дороги из Хитати в Эдо, всё, что произошло после встречи со снежной госпожой, было частью сказки...

...Его товарищи Синсэнгуми, отважные и безрассудные. Коварные и подлые иностранцы. Солдаты, марширующие по улицам Киото, и заходящее солнце, одинаково ярко играющее кровавым закатом на фениксе, венчающем Золотой Храм, и на начищенных штыках солдатских мушкетов.

В этой сказке мир захлестнула волна перемен: пугающих, стремительных, неотвратимых. И он, Кёхэй, был в самом центре этой бури, затянутый туда холодным взглядом снежной госпожи.

...Из дверей чайной, наконец, показался муж Сетсуё в сопровождении группы мужчин, среди которых выделялся тучный торговец в синем наряде.

— Ити-кун, да это ведь Нобуо. Ты за ним следишь?

Кёхэй кивнул, хотя на самом деле следил за торговцем. Симада по-своему истолковал смущение друга и даже присвистнул от удивления.

— Послушай, тебе не дает покоя эта сацумка, его жена?

Юноша покраснел и прикусил губу.

— Она здесь ни при чём, — выдавил он из себя.

— Надеюсь. Я понимаю, сердцу не прикажешь, но Тосидзо-сан и слушать не захочет твоих оправданий...

Кёхэй резко обернулся и, глядя в глаза своего друга, медленно повторил:

— Она здесь ни при чём.

— Как скажешь, Ити-кун, — Симада пожал плечами.

Стараясь слиться с толпой, волки Мибу последовали за своими врагами. Кёхэй обрадовался, что решил не надевать яркую форму Синсэнгуми. Конечно, это было нарушением правил, но вряд ли даже непреклонный «демон» Тосидзо вспомнит об этом, если их охота увенчается успехом.

Если...

«Фурутака Сунтаро... — сказала Сетсуё. — Это не просто торговец».

Кёхэй прикоснулся рукой к губам, на которых горел её поцелуй. Юноша старался не задумываться, что движет его возлюбленной. Какие странные цели или желания она преследовала... У него не было причин

верить ей, но Кёхэй чувствовал, что доверяет Сетсуё и не сомневается в её добрых намерениях.

Нобуо и Фуритака остановились возле лавки, которой, очевидно и владел этот толстощекий торговец. Мужчины долго раскланивались, пока, наконец, Фуритака не остался один. Когда торговец скрылся в глубине полутемного дома, Кёхэй решил последовать за ним...

— Подожди меня здесь, — попросил Кёхэй и храбро вошел в лавку.

Держа сжатую ладонь на рукояти меча, юноша обошел пустое помещение. Ничего не указывало на то, чтобы хозяин этого заведения участвовал в каком-то заговоре... и тут Кёхэй услышал, как глухо звучат его шаги по дощатому полу — входя в дом, он не снял гета, как положено порядочному гостю.

Он опустился на колени и постучал по полу, потом тщательно обыскал руками все щели между доскам, пока не обнаружил крышку тайника. Сдвинув её в сторону, Кёхэй с ликованием обнаружил секрет Фуритаки — несколько ящиков, доверху полных черными, круглыми как плоды бомбами...

— Ты! — разорвал тишину приглушенный вопль.

Кёхэй вскинул голову и увидел стоящего в дверях торговца. Фуритака с удивительным проворством развернулся и бросился бежать, но не успел он нырнуть в двери, как тут же попятился назад — путь к бегству ему преградил Симада, держащий в руке обнаженный меч.

— Кому предназначался этот груз? Самураям Тёсю? — требовательно спросил Кёхэй.

— Режьте меня на части, всё равно вам ни слова не скажу! — отважно заявил торговец, но его толстые губы при этом предательски задрожали.

— Всё ты нам расскажешь, — пообещал юноша.

«Я знаю, кто заставит тебя говорить».

7

— Икэдая.

Хидзиката Госидзо улыбнулся, не скрывая удовлетворения.

— Икэдая? Ты уверен? — переспросил Кондо. — Это ведь гостиница в самом центре Киото.

Тридцатилетний самурай развел окровавленными руками. Это не укрылось от внимания предводителя Синсэнгуми. Он поморщился, но смолчал. Хидзиката был известен своей жестокостью, но она не раз спасала им жизни.

Госидзо прошел мимо них, ухмыляясь. Кёхэй и остальные присутствующие поспешно расступились, провожая палача неприязненными взглядами.

Кёхэй знал, что Хидзиката — такой же, как и он, самоучка, и должен был поневоле проникнуться симпатией к этому человеку, но жестокость Госидзо и его нелюдность отталкивали от него всех. Недаром жители Киото прозвали его «демоном».

— Значит, гостиница Икэда, — кивнул Кондо Исами. — Итимондзидоно, как ты догадался, что Фурутака тайно помогал нашим врагам?

Рассказать о подсказке Сетсуё нельзя. Кто знает, как отнесутся товарищи к помощи, оказанной кланом Сацума — а ведь по-другому слова девушки никто не воспримет. Не поверят же они, в самом деле, что жена богатого самурая влюблена в бездомного ронина.

— Я видел, как он разговаривал и встречался с самураями из клана Сацума. Потом проследил за ним и нашел склад с оружием.

— Сацума? Значит, они тоже в этом замешаны. — Кивнул Кондо. — К несчастью, у нас нет доказательств, но может быть кто-то из змей, укрывшихся в этой гостинице, поведает нам больше. Ты хорошо поработал, Итимондзи-сан. Очень хорошо.

О заслугах Тосидзо, который заставил пленника говорить, никто старался не вспоминать. Симада, подойдя к дверям комнаты, в которой допрашивали Фурутаку, побледнел и поспешно отвернулся.

— Не стоит терять ни минуты, — решил Кондо. — Хэсуке, Итимондзи — жду вас у ворот.

— Как же Тосидзо-сан?

— Он присоединится к нам позже.

Кондо упрямо продолжал рассматривать застывшие на полу кровавые следы, которыми был отмечен путь его заместителя.

— Встретимся у гостиницы.

Забежав в свою комнату за ярко-желтым парадным хаори, Кёхэй успел вознести короткую молитву богу войны Хатиману, благодаря его за этот шанс проявить себя. Наконец-то им выпала возможность доказать, что Синсэнгуми — не просто шайка разбойников.

Не прошло и получаса, как группа вооруженных людей в голубых одеждах, дурная слава о которых шла по всему Киото, окружили двухэтажную гостиницу...

Сражение в гостинице Икэда на следующий вечер обсуждали всюду. Весть о том, как Синсэнгуми предотвратили заговор бандитов из Тёсю, разнеслась по городу со скоростью лесного пожара. Количество убитых и раненых «волков» и южан менялось в зависимость от рассказчика, и мало

кто из любителей свежих сплетен знал, что на самом деле было убито только восемь самураев Тёсю и еще тридцать было арестовано.

— Полсотни! — восторженно провозгласил торговец, протягивая хорошенькой покупательнице пирожные, завернутые в алую бумагу. — «Волки» перебили всех. Особенно досталось тем, кто получил не смертельные раны — этих до смерти замучил «демон» Хидзиката. Кровь залила ступени у входа в гостиницу!

— Какой ужас! — девушка всплеснула руками, едва не выронив сладости.

— Простите, пожалуйста, — опомнившись, начал кланяться продавец. — Мне не следовало при вас говорить о таких жутких подробностях.

— Нет-нет, продолжайте! — потребовала её спутница.

Мужчине понравились эти покупательницы. Молодые, красивые, в дорогих нарядных кимоно. Не поговорить с ними еще минутку было бы просто неприлично, и он заливался соловьем, — тем более, было о чем! Про случившееся в гостинице он узнал от своего брата, который видел, как Синсэнгуми выволакивали трупы из здания и уводили пленных.

Девушки слушали. Высокая и стройная, кажется, была и вправду напугана, и только воспитание мешало ей заткнуть уши, зато её спутница ловила каждое слово и смотрела на рассказчика восторженными голубыми глазами, чуть приоткрыв рот.

— Какие звери! Эти «волки» хуже четвероногих!

— Помолчи, Ми-тти, — попросила низенькая. — Так вы говорите, «Волки Мибу» раскрыли заговор и спасли нас?

— Оказывается, негодяи из Тёсю готовили убийства и поджоги. Даже хотели выкрасть императора! — доверительно сообщил торговец. Так

говорили все, и, значит, это было правдой. — Если бы не Синсэнгуми — сгорели бы все мы!

Пожар всегда был самым большим бедствием для жителей Земли Богов, их дома из дерева и рисовой бумаги вспыхивали как свечи, и даже небольшой огонь мог перерасти в неодолимую стену пламени. Одного только слуха про готовящиеся поджоги хватило, чтобы народ возненавидел заговорщиков из Тёсю и проникся искренней любовью к тем, кто предотвратил похищение Императора.

Молодая госпожа вежливо поблагодарила и ушла. Её подруга, вздернув нос, пошла следом, прижимая к груди покупки. Странно было видеть, как две благородные девицы гуляют по городу без сопровождения слуг, но чего только не увидишь в наше время!

— Ты им правду рассказал или наплел небылиц, чтобы продать побольше? — спросил сосед торговца, который слушал его рассказы со смесью восхищения и брезгливости.

— А утром по реке Кацура пять додзаэмонов поплыло. Сам видел. Воняло так, что нос затыкай! Говорят, это «демон» пленникам предложил утопиться, чтобы избежать пыток. Что ни говори, а Тёсю люди храбрые — хоть и подлецами оказались.

— Вот это да! — протянул сосед. — А дальше? После драки-то что было?..

— Дальше?.. — лавочник помрачнел, хотя про утопленников, которых видел сам, рассказывал с видом отъевшегося кота — точь-в-точь глиняный зазывала с поднятой лапкой у соседнего магазина. — Вышли Синсэнгуми, вот что дальше было.

Кёхэй зажмурился. Перед глазами всё плыло. Кричали раненые, звенели мечи. Юноша поднял голову и уставился на длинный меч, который завис, уцепившись кончиком лезвия за потолочную балку.

Опираясь рукой на стену, Кёхэй спустился по лестнице и вышел во двор. Голова, по которой пришелся удар рукоятью, нестерпимо болела. Он почувствовал, как теплые капельки скатываются по лбу и капают с кончика носа. Поймал одну из них ладонью и отстранено заметил, что это кровь, а не пот.

Он подставил лицо мягкому ветру. Трое незнакомых ему людей тащили сопротивляющихся пленных. Самураи Тёсю сквернословили и кричали, а Кёхэй думал о том, что будь в гостинице Икэдая крыша на несколько сун выше — меч южанина раскроил бы ему череп, а не разбил лоб рукоятью.

Мимо пробежал Симада Каи, хлопнул Кёхэя по плечу и рассмеялся. Итимондзи едва не ответил на веселое приветствие ударом меча. Запоздало сообразил, что все еще стискивает эфес побелевшими пальцами, и медленно вложил подрагивающий, окровавленный клинок в ножны.

— Кёхэй? — Симада помахал рукой у него перед глазами. Мелькающая ладонь слилась в сплошную белую полосу.

— Погоди, — он присел на землю, обхватив голову руками. — Дай отдышаться.

Симада бережно, но твердо убрал его руки и начал бинтовать рану полоской ткани.

— Здорово тебе досталось, Ити-кун, — заметил он, стягивая узел повязки. — Слышишь меня?

— Да, все уже в порядке.

— Продолжай говорить. Помню, знал я одного самурая, который присел отдохнуть с такой раной, заснул — да так и не проснулся.

— Мы победили?

— Еще бы! Тосидзо-сан и его люди гонят южан по городским улицам. К вечеру у нас негде будет держать пленных.

— Симада, Итимондзи!

Кондо, окровавленный, в разорванном хаори, приказал им подняться.

— Исами-сама, Ити-кун ранен, — попробовал протестовать Симада.

— На ногах держаться может?

— Могу, — выдохнул Кёхэй.

— Отлично. На удачу. Нельзя оставлять важное дело незавершенным...

Лидер Росигуми был известен своей суеверностью.

Они встали кругом. Израненные, уставшие.

— Йо! — выкрикнул Кондо.

Одновременно ударило в ладоши десять пар рук.

Один! Два! Три!

— Йо!

Кёхэй хлопнул — ещё, ещё и ещё раз.

— Йо!

Улыбающееся лицо — Симады, сосредоточенное — «демона» Тосидзо, серьезное — Кондо, который вот-вот снова бодро выкрикнет...

— Йо!

Кровь — своя, чужая. Ритмичные хлопки ладоней. Испуганные взгляды сбежавшихся зевак, жмущихся к стенам домов — подальше от охваченных безумием «волков». С последним, звонким хлопком Кёхэй вместе со всеми поднял дрожащие руки к небу, и они хором выкрикнули:

— Примите мои поздравления!

— Ты ведь не согласишься словам какого-то торговца? — полушёпотом спросила Мияко, оглядываясь на лавку бакалейщика.

— Ещё как поверю! — нарочито громко ответила Сетсуё, заставив подругу смешно вздрогнуть. — Вот, смотри!

Она остановила мужчину в простой одежде, который шёл по улице, придерживая на плече жердь с двумя бумажными фонарями. Простолюдин, до этого довольно улыбающийся, недоумённо уставился на преградившую ему дорогу яркую аристократку.

— Скажите, почему вы такой счастливый? — напрямик спросила Сетсуё, улыбнувшись мужчине.

— Как же мне не быть счастливым! — оправившись от недоумения, воскликнул тот. — Ведь Синсэнгуми перебили в гостинице сотню злоумышленников, задумавших сжечь опочивальню небесного владыки!

— Вот видишь! Я же говорила! — продолжила торжествовать Сетсуё, когда мужчина с фонарями скрылся в толпе.

— Вечно мне за тебя краснеть приходится, — пожаловалась Мияко. — Нельзя всегда вести себя как ребенок. Ты ведь замужняя женщина, да ещё из такой уважаемой семьи!

Сетсуё весело рассмеялась, раскинула руки и закружилась, разгоняя толпу длинными белыми рукавами кимоно. Людское море расступилось суетливыми волнами. Несколько иностранцев, которые случайно оказались среди ремесленников и торговцев, остановились, с любопытством глядя на Сетсуё. Та не осталась в долгу и, продолжая хохотать, показала на них пальцем.

— Смотри, смотри!

Мужчина вежливо приподнял черный цилиндр и улыбнулся в ответ. Его дама испуганно прикрылась маленьким белым зонтиком, не понимая, что нашло на обычно тихих островитян.

Несмотря на то, что сёгунат открыл для торговли все крупные порты, идинов редко можно было увидеть в Киото, да ещё разгуливающих по людным улицам без охраны.

— Всё меняется, Ми-тти! Всё! — Сетсуё посмотрела на солнце, ярко освещающее её белое лицо. — Ты слышала, что в Эдо привезли «тарэн»?..

Она неловко выговорила это чужое слово.

— Он такой маленький, но мне удалось покататься. Джентльмен из Америки сказал, что к следующей осени у нас будет своя железная дорога!

Мияко проводила пару иностранцев настороженным взглядом. Цилиндр напугал её, словно это были рога демона, хотя многие японцы уже пробовали носить западную одежду, и даже в Понтотё можно было встретить киотских аристократов, щеголяющих в смокингах и туфлях.

Как же повезло женщинам, которым приходится эти смелые люди мужьями! Сетсуё вспомнила о подарке, который она привезла из Эдо, и улыбнулась.

— Ты ведь пойдешь сегодня вечером вместе со мной? — спросила она у подруги.

— Куда это ещё?

— На приём к Энсиро Хираоке, конечно, — возмутилась девушка. — Разве ты забыла? Хотя на самом деле это не совсем его прием, но Хираока-сан дал понять, что использует этот вечер для переговоров с соратниками.

— Ты много времени проводишь, слушая разговоры мужчин.

— Должна же я хоть чем-то занимать себя, а к мужу всегда приходят посудачить о политике его друзья... господин Хираока — соратник сёгуна. Уверена, на приёме не обойдется без Синсэнгуми!

Она оскалила зубы в хищной улыбке и зарычала:

— Волки! Волки! Вы ведь не испугаетесь, О-Мияко-фудзин? Почему ты замолчала, Ми-тти?..

— Не знаю, о чем ты думаешь, — с осуждением затрясла головой благовоспитанная Мияко, — но твой муж будет недоволен.

— Ну и пусть, — весело отмахнулась девушка. — Он и так недоволен всем, кроме денег и сакэ. А мир меняется...

Веселые голубые глаза заледенели, превратившись в два сапфира.

— И те, кто встанет на пути перемен, — пропела Сетсуё с нескрываемой ненавистью, — будут сметены вместе с их песочными замками.

8

— Предупреждаю, Хираоку в городе не любят, — напомнил Кондо. — Его обвиняют в том, что он дает регенту Кэйки дурные советы и покровительствует варварам.

— Но... разве это не так? — Кёхэй поправил белую повязку, скрывающую свежую рану.

Кондо сжал губы в тонкую линию.

— Ты всё увидишь сам.

Энсиро Хираока, советник и личный друг регента, назначил своим соратникам встречу в одном из новых зданий, построенных по приказу императора. Это был особняк в европейском стиле, окруженный высокой

каменной оградой. У входа стояли двое солдат в иностранной форме. При виде вооруженных самураев в цветах Синсэнгуми солдаты подтянулись, вцепившись в ружья. Вышедшее из-за облаков солнце засверкало на штыках.

Воины старого и нового времени обменялись неприязненными взглядами.

— После убийства английского торговца Ричардсона и столкновений на острове Кюсю кто-то должен успокоить иностранцев. Уверен, я понадоблюсь Хираоке.

— Мне дождаться вас?

— Не стоит. Возвращайся в храм, как только освободишься, но будь осторожен — Тёсю будут мстить нам за резню в Икэдая.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь, не дожидаясь надоедливых лакеев.

Внутри было тепло, светло и шумно. Кёхэй зажмурился, покрепче прижимая к себе мечи. Он по привычке остановился у порога, чтобы разуться, но Кондо жестом велел не снимать гета.

— Исами-кун! — высокий, стройный мужчина окликнул предводителя Синсэнгуми.

Кондо Исами кивнул Кёхэю и позволил увести себя.

Юноша остался один в доме, полном людей, которых ещё недавно считал своими смертельными врагами.

В гостиной собралась шумная, весёлая компания. Сквозь громкий мужской бас и непонятное щебетание иностранцев пробивался тонкий, капризный девичий голосок, который Кёхэй никак не ожидал здесь услышать.

Сетсуё, одетая в белое платье на европейский манер, сидела в высоком кресле, обитом багровым бархатом. Её окружала группа мужчин в чёрных

фраках, живо напомнивших Кёхэю стаю воронов. Вторая гостя — европейка в изысканном синем платье, стояла у окна, со странным спокойствием наблюдая, как Сетсуё отбивает у неё кавалеров.

Девушка как раз закончила очередную пламенную тираду, изрядно разбавленную ломаным французским, и заметила стоящего в дверях Кёхэя. На её белом, белее платья, лице застыла странная улыбка.

— Посмотрите! — вскрикнула она. — Это один из Синсэнгуми! Один из героев, которые спасли столицу от негодяев из Тёсю!

Гости из числа богатых японцев поклонились ему как равному, иностранцы приветливо закивали, самый молодой из них даже выкрикнул: «виват!», — судя по румянному лицу, он уже успел выпить изрядно вина.

— Итимондзи-сан, прошу вас, присаживайтесь, — вошедшая в роль хозяйки Сетсуё указала ему на место рядом с собой.

Кёхэй неловко опустил на стул. Сидеть было ужасно неудобно, но он мужественно выпрямил спину и выдавил из себя улыбку.

— Скажите, вы сегодня единственный гость из Синсэнгуми?

— Со мной пришел Кондо-сан, но он сейчас, должно быть, беседует с... другими гостями.

— Да, — кивнула Сетсуё. — Пусть вас не обманывают дорогие одежды. Здесь развлекаются слуги, которых не пустили на встречу их хозяев.

Кёхэй промолчал. Слугой Кондо он себя точно не считал. Другие гости явно разделяли его чувства, но перечить своенравной красавице никто не решился.

Усевшись за рояль, Сетсуё сыграла неловкую сарабанду, при этом весело, заливисто смеясь. Несмотря на то, что её исполнение было далеко от совершенства, публика благосклонно встретила этот неожиданный пассаж. Закончив играть, она уступила место американскому офицеру с

поседевшими, будто тронутыми инеем висками. Он тут же завладел вниманием собравшихся гостей, виртуозно исполнив модный менуэт.

Гости восторженно загудели, аплодируя мастерству музыканта. Образовалось несколько пар, которые закружили в плавном и грациозном танце. Воспользовавшись всеобщей неразберихой, Сетсуё вцепилась в локоть Кёхэя и увела его в соседнюю комнату, плотно прикрыв двери.

— Вы хорошо знаете этот дом.

— Это дом моего дяди, — ответила девушка. — После гибели моих родителей я жила вместе с ним в Нагасаки.

Кёхэй кивнул. Это и вправду многое объясняло. Город Нагасаки был единственным местом в Японии, где до недавнего времени могли находиться иностранцы. Больше набраться своих бунтарских идей девушке было неоткуда.

Сацумка с юга, да еще связанная родственными узами с Тёсю. Сетсуё была воплощением всего, что Кёхэй искренне презирал и ненавидел — но он не мог не любить её.

— Прислушайся. В соседней комнате старики обсуждают, как вернуть себе власть над будущим, которое им больше не принадлежит.

Для Сетсуё стариками были все люди старше тридцати. Кёхэй и сам так думал, пока не познакомился с Кондо Исами и «демоном» Тосидзо.

— Регент Кэйки не старик, — запротестовал Кёхэй, — и Кондо-сан — тоже. Они хотят добра людям. Всем — и тем, кто носит мечи, и тем, кто собирает рис. А что принесли простым людям идзины? До их прихода любой крестьянин имел полный сундук риса, а теперь видит только дно этого сундука...

— Твой Кэйки сам ездит в седле, которое ему подарили французы. Носит их одежду, стреляет из их мушкетов. Даже ест с ними из одной

тарелки, за что его уже прозвали свиноедом. Это сёгунат в Эдо, а не император в Киото впустили в страну варваров.

«Вот из этих мушкетов мы варваров и перестреляем», — подумал Кёхэй, но вслух лишь вскрикнул:

— Это неправда! Дело не в том, что они хотят возвысить императора. Просто киотским неженкам захотелось перехватить у сёгуна бразды правления страной. Мыши вспомнили, что до прихода кота они правили в доме.

— Подумай сам. У сёгуна и его регента в руках вся полнота верховной власти. Все ждали Кэйки как освободителя от варваров. А что он делает? Ведёт с ними переговоры!

— Сёгуна и Кэйки окружают дурные советники.

И Энсиро Хираока — один из них. Как хорошо, что Кондо-сан не взял с собой «демона» Тосидзо. Отчаянный самурай хватался за меч при виде любого идзина, а в этом доме, переполненном вином, варварской музыкой и их кичливыми речами, он и вовсе пришел бы в неистовство.

— А разве у тебя другие советники? У всех нас дурные советники. Но ведь сёгун — не император. В отличие от небесного владыки он может сам покидать дворец и может не слушать чужие лживые речи. Ты удивлен, что я так вот запросто говорю с тобой о политике?

— Это не женское дело.

— А какое дело — женское? Вышивать и писать хираганой глупые стихи? — лукаво улыбнулась Сетсуё. — Ты много говоришь про юки-онна, но ведь снежная госпожа — это не только зима. Она ещё и символ.

— Символ?

— Удивлен, что я тоже люблю страшные сказки? — спросила девушка.
— Да, юки-онна — символ. Она знаменует перемены.

Кёхэй нахмурился, но промолчал.

— Снежную госпожу не интересуют старики, чьи идеи давно умерли и устарели. Ей не нужны прославленные воины и великие полководцы. Во всех сказках юки-онна является только молодым смельчакам, тем, кому принадлежит будущее.

— Нельзя вечно держаться за умирающее прошлое, — уверенно заявила Сетсуё. — Юки-онна приносит старикам лишь вечную зиму и смерть. Но тех, кто молод, смел и прекрасен, она поводит сквозь метель и холод к свежему дыханию весны.

— Остайся со мной, — попросила Сетсуё. Её руки легли на шею юноши.

— Я не могу...

— Можешь, — ладони и губы Сетсуё были удивительно холодными. Если бы не её горячее дыхание, Кёхэй решил бы, что держит в объятиях призрак. — Мы можем всё...

Американец в соседней комнате, похоже, окончательно вошел во вкус — дом тонул в музыке, а Кёхэй — в волнах шёлка белого кимоно, мягких, как холодные губы Сетсуё.

— Почувствуй длань судьбы неотвратимой, — глаза Сетсуё были ледяными — ни капли тепла.

Утром Кёхэй проснулся. Снова один.

9

На ворота была наспех прилеплена листовка.

«Регент Кэйки Хитоцубаси предал своего отца и сговорился с варварами. Он плетёт заговоры против императора: берёт под стражу и

убивает безвинных людей, которые добиваются торжества справедливости. Недавняя резня в Киото — его рук дело. Дом этого негодяя следует предать огню!»

Кёхэй сорвал подлое послание, с ненавистью скомкал бумажку и отбросил в сторону. Ещё вчера город радовался их победе. А теперь?..

Неужели эти листовки убедят кого-то пойти против сёгуна? В Киото многие открыто выражали симпатии императору. Как и Сетсуё — они в восторге оттого, что Синсэнгуми сорвали заговор радикалов. Но это же известие окончательно рассорило Кейки со всеми людьми высокой цели из других кланов. До чего несправедливо! Люди, которых Кёхэй еще недавно считал своими злейшими врагами, теперь кланялись и улыбались ему, завидев голубое хаори. А патриоты, которыми он восхищался, отводили глаза и в ярости сжимали кулаки...

Он не мог ненавидеть Тёсю. Они были врагами сёгуната, но врагами честными — ещё со времен Иэясю, а вот Сацума...

Кёхэй отогнал навязчивые мысли о Сетсуё и зашагал быстрее. Нужно было найти Хираоку. Кондо наверняка был с ним. Им нужно о многом поговорить...

Он обогнул большое здание гостиницы и вышел на перекресток, где собралась толпа. Было странно видеть такое скопление людей, ведь сейчас не было никакого праздника.

— Дерутся! Дерутся! — орала сотней глоток толпа.

Кёхэй схватил одного из горожан и силой остановил его.

— Кто дерётся?

— Люди сёгуната и Тёсю.

Ругнувшись, отпустил зеваку и рванулся вперед, расталкивая плотную толпу.

Когда Кёхэй, наконец, выбежал на площадь — всё уже было кончено. Хираока лежал в расползающейся луже крови, его меч был наполовину обнажен. Пожелтевшие листья кружили над площадью, падали на лицо мёртвого мужчины, увязали в липкой крови.

«Юки-онна приносит старикам лишь вечную зиму и смерть», — вспомнил Кёхэй, и его замутило.

— Кто?! — взревел Кёхэй. — Где он?!

— Господин! Сюда, господин!

Кёхэй ринулся в сторону, куда указывал прохожий, пробежал мимо лавки зеленщика, выскочил в узкий переулок, краем глаза заметив мелькнувшую тень.

— Стой! — закричал он и побежал следом.

Деревянные гета застучали по каменной мостовой. Кёхэй всегда слыл хорошим бегуном, и у раненого противника шансов скрыться не было.

Увидев догоняющего ронина, самурай из Тёсю обернулся, прижимая к груди раненую руку. Кёхэй выхватил меч и наотмашь ударил, перерубив шею южанина.

Отрубленная голова отлетела в сторону, ударившись о выбеленную стену дома, обогривая ту россыпью алых капель. Обезглавленное тело, извергаясь фонтаном крови, рухнуло на колени и повалилось в пыль.

Кёхэй, тяжело дыша, стряхнул со сверкающего клинка кровь.

— Проклятье... — повторил он.

— Засада была в слишком удачном месте, — заметил «демон», осматривая кровавые пятна. — Кто-то сообщил Тёсю о том, что Хираока будет возвращаться этой дорогой.

Он внимательно посмотрел на Кёхэя.

— Тебе что-то известно об этом?

Юноша побледнел, чувствуя, как начинают дрожать его руки. Он вспомнил, как отчаянно кричал торговец Фурутака, вспомнил окровавленные руки Тосидзо и его довольную, ужасную улыбку.

— Отвечай!

— Оставь его в покое, — устало приказал Кондо, — это я приказал ему остаться и не сопровождать нас. Я ждал, что Тёсю будут мстить, но полагал, что охотиться будут на меня.

Он задумчиво посмотрел на следы крови в том месте, где лежал убитый Хираока.

— Тёсю начали действовать раньше, чем мы ожидали — но это всё равно не более чем краткая отсрочка...

10

Кондо Исами оказался прав. Не прошло и года с момента их встречи у подножья Фусими Инари, как южане из Тёсю решились на открытый переворот. В середине лета отряды мятежного клана высадились в бухте Осака и направились к столице.

Три недели Киото стоял в кольце осады.

В начале седьмого утра сражение всё же началось. Артиллерийский огонь грозовым шквалом огласил над древней императорской столицей приход нового времени.

— У Тёсю нет никакой надежды на победу, — заявил Симада Каи, глядя на столб чёрного дыма, поднимающийся над крышами. — Три тысячи против двадцати! Мы выбьем их из Киото одним ударом!

— Они до последнего надеялись на поддержку императора?

Симада кивнул.

— Они сглупили, открыто выступив против сёгуната. Жители Киото на нашей стороне, и теперь даже кланы, враждебные Токугава, вынуждены будут выступить против агрессоров объединенными силами...

— Помолчите, — нахмурился Кондо Исами, — гонец прибыл.

Всадник на взмыленном коне остановился у перегородившей дорогу баррикады, над которой развевалось красное знамя Синсэнгуми.

— Дорогу! — крикнул он, потрясая гербом Токугава. — Вести регенту! Вести императору!

— Регент Хитоцубаси сражается, — ответил Кондо, — ты не найдешь его во дворце.

Всадник с ужасом оглянулся на горящую столицу, понимая, что ему неизбежно придется проделать обратный путь на поле боя.

— Что случилось?

— Страшная резня у ворот Хамагури! — выдохнул гонец. — Тёсю вот-вот сломят оборону их защитников и ворвутся во дворец!

Синсэнгуми зашумели, ругаясь и проклиная слабаков из клана Айдзу, которым поручили защиту Хамагури.

— Успокойтесь! — приказал Кондо. — У дворца несколько ворот, одни из которых защищаем мы. Тёсю не оставят нас без дела, и у вас будет возможность доказать свою храбрость...

В этот момент оглушительный грохот донесся со стороны дворца. Стреляли! Стреляли из пушек уже в самом доме небесного государя.

— Я должен ехать! — всадник развернул коня.

— Постой! — крикнул Кёхэй.

— В чем дело?

— Люди, дома которых стоят у Хамагури — что с ними?

— Те, что поумнее — заранее уехали. Сейчас вся улица в огне...

Всадник пришпорил коня. В наступившей вслед за пушечными выстрелами жуткой тишине был слышен лишь удаляющийся звон копыт.

«Уехали! Еще бы им не уехать — ведь все высокопоставленные самураи наверняка знали о готовящемся нападении и вывезли свои семьи! — догадался Кёхэй, проклиная себя за глупость. — А Сетсуё будет довольна переездом — в гавани Эдо стоят чёрные корабли, а в городе полно идзинов...»

Он затряс головой.

...Брошенная одинокая мать, которую похоронят соседи. Синсэнгуми — ставшие его новыми друзьями и семьей — и хитрые, коварные Сацума, одну из которых он любил всем сердцем. Далекый, как небо Кэйки, которому он поклялся в верности. Близкие, земные, нет... земляные, как черви, идзины, которыми теперь кишат порты и крупные города. Кровожадные южане, которые хотят войны со всеми сразу...

Опьяняющий взгляд глубоких, голубых, как озеро глаз и заброшенный дом на осенней дороге...

«Они уехали, уехали... должны были уехать!»

— Ити-кун?! Куда ты?

— Итимондзи Кёхэй!

Он побежал. Выстрелил мушкет — пуля со свистом рассекла воздух, ударившись о стену дома рядом с ногой Кёхэя.

— Трус! Стой!

— Оставь его, пусть бежит. Далеко не уйдет.

— Ити-кун!!!

Горящие дома, запах дыма... нет дороги назад.

Кёхэй бежал по знакомым улицам Киото к воротам Хамагури, возле которых шёл кровопролитный бой. Возле которых он вновь встретил свое проклятье и свою любовь.

Дом был охвачен языками пламени. Вокруг носились слуги, тщетно пытаясь унять бушующий огонь. Сетсуё стояла и смотрела на горящую столицу со странным спокойствием. Обычно белоснежное, чистое кимоно теперь было испачкано черной сажей.

— Снежная госпожа!

Сетсуё медленно обернулась, увидела Кёхэя, вздрогнула, как от удара. И рванулась — она хотела побежать ему навстречу, но сильная рука остановила девушку, едва не повалив её с ног.

— Синсэнгуми, — сацумец, имя которого Кёхэй успел позабыть, отстранил жену и взялся за рукоять меча. — Что ты здесь делаешь, волк?

Он не стал дожидаться ответа, потому что всё понял сам. Только зарычал, как зверь, и рванул из ножен меч. Кёхэй последовал его примеру. Отцовский меч — дешевая, ломкая сталь, позолота на цубе — блеснул в свете пожара.

— Я даже имени твоего не знаю, — пожаловался Кёхэй, пристально глядя на своего врага.

— Это не важно, — огрызнулся сацумец, занося меч над головой.

Сетсуё холодно улыбнулась. Её красивые глаза горели от восторга.

Неожиданно, мужчина резко повернулся, его руки напряглись — он ударил. Кёхэй вскрикнул. Сетсуё безмолвно, не проронив ни звука, осела на землю. Красный оби скрыл брызнувшую кровь.

— Чудовище, — прошептал её муж.

— Даже ненавидеть тебя не могу, — сообщил он оцепеневшему юноше. — Ты ведь просто ещё одна её жертва.

Кёхэй пронзительно закричал, стиснув рукоять меча двумя руками.

Они обменялись несколькими ударами и закружили — глаза в глаза.

Далекие выстрелы, крики, звон мечей, тяжелое дыхание, шелест огня — мир слился в ритмичную, агрессивную мелодию. Как будто кто-то выстукивал на громадном барабане хорошо известный ему футтэн. Они поймали этот ритм и, подчиняясь ему, закружили, едва соприкасаясь сверкающими остриями мечей. Одновременно подняли мечи и ударили...

Звон стали зазвучал изысканной музыкой.

Кёхэй ускорил темп. Дрожащее острие со свистом рассекало воздух.

Сацумец защищался, уверенно сохранял стойку. В глазах — отражение ярости, переполняющей Кёхэя.

Они были очень схожи.

Футтэн не умолкал. Гремела под ногами земля. Кипела кровь в жилах, побуждая продолжать сражение. Под эту музыку Кёхэй тренировался каждое утро. Сопровождаемый верными барабанами, он ворвался в гостиницу Икэдая. Под этот монотонный гул любил Сетсуё, которая теперь неподвижно лежала у их ног.

Футтэн — точка кипения — древний, как этот мир.

Кёхэй мог поклясться, что именно этот ритм выбивала стройными ногами прекрасная Удзумэ, выманивая из пещеры скрывшееся там Солнце.

Перед тем как нанести последний удар, Кёхэй понял, что ему незачем убивать сацумца, с которым успел сродниться за время их неистового танца. Но всё же был обязан его убить. Он замер, позволив горячей волне пройти по

телу от ног до самых кончиков заплетенных волос. Потом выпрямился, удивительно спокойно протер клинок и вложил его в ножны.

Сацумец покачнулся, выронил меч, не удержал равновесия и повалился на землю. Он глубоко, отрывисто вздохнул, безуспешно пытаясь втянуть воздух перерезанным горлом.

Кёхэй склонился над своей снежной госпожой, бережно убрал прядь волос с мраморно-белого лба. Как и во время их первой встречи, её черные волосы были распущены и струились по плечам, падая на белую просторную одежду, в которую волшебным образом обратилось тесное кимоно.

Прекрасный, древний призрак, родившийся вместе с фруттэном и жаждущий перемен.

Сетсуё открыла глаза и улыбнулась ему:

— Мое дыхание — смерть, — прошептала она, — мои губы — холодны как лед. Прикоснись к ним, чтобы я могла выпить твою душу и обратиться в белый туман.

Она была горячей, лоб покрылся испариной. Бушующий огонь растопил сковывающий её холод и унёс волшебство. Нужно было бежать — звать на помощь...

Белые хлопья пепла кружили, неторопливо опускаясь. Рассечённый на две части красный пояс пропитался кровью.

Девушка сильно сжала его запястье.

— Не уходи, — попросила она.

Он хотел возразить. Отстранить её руку. Он не мог позволить ей умереть, но продолжал неподвижно сидеть, прижимая к груди удивительно хрупкое тело, которое медленно покидала жизнь.

— Снежная госпожа, — пробормотал Кёхэй, глядя, как от пепла белеет земля, — у тебя на ногах деревянные гета, но ты умерла в снегопад.

Надвигалась длинная зима. Ночь без луны и звезд. Метели унесут десятки тысяч жизней. Но весна должна была прийти. Непременно. Он верил в это и ждал...

Примечания:

Песня, которую поют женщины в сцене на Фусими Инари:

*«Унылый зимний мрак окутал землю,
Однако с этих сумрачных небес
Слетают трепетные белые цветы,
Как дождь из белоснежных лепестков!
Быть может, там, за облаками, незаметно
Уже пришла прекрасная весна?»*

— Кудзёхара-но Фукаяби

Боккэн — тренировочный деревянный меч, изготовленный из бука, дуба или граба. Для большей плотности боккэн может быть специально обработан лаком или древесной смолой.

Додзё — слово, обозначающее любое место сбора людей, изучающих боевые искусства. Но чаще всего относится к конкретной школе, в которой присутствуют помещение, учителя, устав и внутренняя иерархия.

«Рассказы ночной стражи» — сборник страшных рассказов и повести, составленный в 1660 году. Считается каноном японских повествований «о загадочном и ужасном».

Страна Ёми — Страна Вечного Мрака или Страна Мертвых.

Хагивара Синдзабуро — персонаж из известного романа Санъютэя Энтё «Пионовый фонарь». Хагивара пал жертвой влюбленного в него призрака умершей женщины.

Сёдзи — стенные клетчатые рамы из легких деревянных планок. С внешней стороны оклеены полупрозрачной бумагой. Легко двигаются в пазах, при необходимости сдвигаются в одну сторону или вынимаются. Обычно отделяют веранду дома от остальных комнат. Также служат окнами.

Наму Амида Буцу! — начальные строки молитвы: «Помилуй меня, Будда Амида...» также имеет толкование в виде формулы нэмбуцу: «Я принимаю убежище у Будды Амиды». Будда Амида — одна из самых почитаемых фигур в буддизме, он несёт спасение и принимает под своё покровительство всех, искренне воззвавших к нему, вне зависимости от их происхождения, положения или добродетелей.

Хатомото — дословно «знаменосец». В период Эдо этот термин обозначал самурая, находящегося непосредственно на службе у сёгуната Токугава. Хатомото занимали привилегированное положение по сравнению с другими самураями, имели большой доход и пользовались большим уважением.

Коку — единица измерения в Японии. Отражает среднее количество риса, которое взрослый мужчина съедает за 1 год. 1 коку приблизительно равен 150 кг риса. В средневековой Японии коку было универсальным денежным эквивалентом, в котором измеряли жалование самураев.

Ронин — самурай, потерявший покровительство своего хозяина или не имеющий хозяина. В феодальной Японии считается низшим сословием самураев.

Большой тигр — тигром (тора), так же называют пьяниц. В зависимости от степени опьянения употребляются варианты: «маленький тигр», «средний тигр» и «большой тигр». «Большой тигр» обычно употребляется, когда речь идет о мертвецки пьяном субъекте, но я решил использовать именно этот термин, чтобы подчеркнуть состояние Кёхэя, и пренебрегая аутентичностью текста в пользу его лаконичности. К тому же мне доподлинно неизвестно, когда именно эта фраза вошла в употребление.

Нета — начинка риса в наиболее часто встречающемся виде суши — нигиридзуси. Обычно красного цвета.

«...каменную чашу Будды, жемчужную ветку с горы Хорай, платье из шерсти Огненной мыши, драгоценный камень дракона, целебную раковинку ласточки! Что тогда будешь делать?» — невыполнимые задания, которые прекрасная Кагуя-химэ задала своим женихам в «Повести о старике Хакэтори».

Кацура — река в районе Арасияма, западный Киото.

Додзаэмон — прозвище утопленников. Пошло от имени борца Нарусэкавы Додзаэмона, которого за белое и чересчур гипертрофированное тело прозвали «утопленником».

Сун — традиционная японская мера длины, равная 3,03 см.

«Примите мои поздравления» («Омэдэто: годзаймасу!») — буквально: «Поздравляем!». Здесь — часть «ритуала завершения дела», с помощью которого в быту выражают радость по поводу успешного завершения важного предприятия.

Издзин — архаичная форма современного термина «гайдзин», обозначающего всех иностранцев. Часто имеет негативный оттенок.

Тарэ:н — японский вариант произношения слова «train» — поезд.

Будто цапля на груди мусора — русский аналог: «как жемчужина в куче навоза».

«...именно её выбивала стройными ногами прекрасная Удзумэ, выманивая из пещеры спрятавшееся там Солнце» — имеется в виду один из самых известных эпизодов японской мифологии, когда боги земли и небес различными хитростями выманивают из пещеры укрывшуюся там Аматаэрасу — богиню Солнца.